

УДК 811.161.1'367.625.41+811.161.1'374

М. С. Фильцова

*Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского
(г. Симферополь)*

О ВОЗМОЖНЫХ МЕХАНИЗМАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКОГО ИНФИНИТИВА

З'ясовуються мовні і позамовні механізми, які обумовлюють виникнення обов'язкової сполучуваності російського інфінітива і полегшують таким чином завдання лексикографічного представлення інфінітива в словнику активного типу, що є особливо необхідним для тих, хто вивчає російську мову як нерідну.

Выясняются языковые и внеязыковые механизмы, обуславливающие возникновение обязательной сочетаемости русского инфинитива и облегчающие таким образом задачу лексикографического представления инфинитива в словаре активного типа, что представляется особенно необходимым для изучающих русский язык как неродной.

An attempt to find out linguistic and extra linguistic mechanisms, determining the origin of obligatory compatibility of the Russian infinitive and facilitating, thus, the task of lexicographic presentation of infinitive in the dictionary of impulse-type is done in the article. It appears especially necessary for studying Russian as nonnative.

Современный этап развития лингвистики (конец XX – начало XXI века) характеризуется сменой парадигм, обусловленной переходом к целостному постижению язык, что, в свою очередь, является следствием целостного восприятия мира, исследования языковых явлений в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности человека. С точки зрения современных антропо-, этноцентричного и когнитивного подходов, присущий языку способ концептуализации действительности лишь отчасти является универсальным; по большей же части он является национально-специфическим. Следовательно, познание лингвоментальной природы номинативных процессов способствует выявлению общего и самобытного в культурно-этническом пространстве языка. Кроме того, сегодня идёт активный поиск объяснений там, где ранее считалась возможной в лучшем случае простая констатация разрешений и запретов.

Сказанное, с нашей точки зрения, в полной мере относится к концептуальной области, соотносимой с грамматической категорией инфинитива. Несмотря на то, что русский инфинитив неоднократно являлся предметом многочисленных исследований, посвящённых его происхождению, разным аспектам функционирования, лексической сочетаемости и месту в грамматической системе русского глагола, некоторые вопросы русского инфинитива ещё не получили однозначного решения и остаются спорными. К ним относится, в частности, вопрос о функциональной сущности русского инфинитива, объясняющей его синтаксическую специфику, строго очерченные рамки лексической сочетаемости.

Сочетаемостные возможности инфинитива особенно нуждаются в лингвистической и методической интерпретации. Этот вопрос не может быть решён только

ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКОГО ИНФИНИТИВА

путём составления даже исчерпывающего списка моделей обязательной сочетаемости инфинитива, как это предлагалось делать до сих пор [3, с. 5]. Синтаксическая структура словосочетания, как известно, в значительной степени является отражением различных свойств лексических единиц, из которых она складывается. Как отмечает Г. А. Золотова, «... большинство словосочетаний строится не на основе управления, глагольного «требования», а на основе синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению... Следовательно, можно сделать вывод о сочетаемости не как лексической, а как семантико-грамматической проблеме, устремлённой к выявлению обобщающих закономерностей синтаксических связей» [8, с. 12]. Заключение, сделанное исследователем, представляется весьма важным при описании русского языка в целях преподавания его как неродного. Известно, что в процессе речевой деятельности существует постоянное соотношение смысла высказывания и его языковой формы. Данное соотношение не произвольно, а подчинено строгим законам, которые в лингвистическом сознании носителя языка присутствуют в имплицитном, неосознанном виде. В процессе преподавания русского языка как неродного возникает необходимость сформулировать эти правила, сделать их осознанными. Характеристика же сочетаемостных свойств инфинитива, даваемая в существующих исследованиях, не может вполне удовлетворить нас, так как делается она с позиций описательной лингвистики, носителем языка для носителей языка, и потому не имеет объясняющей силы. При всей многочисленности и разнообразии работ, касающихся сочетаний с зависимым инфинитивом, даже самая полная из них не даёт ответа на вопрос о том, почему обязательного примыкания инфинитива требуют именно *эти, определённые* глаголы, отглагольные существительные, наречия, краткие прилагательные и т. д.? Какая причина заставляет использовать в определённых случаях именно инфинитив? Ответ на эти вопросы позволил бы, во-первых, строже формулировать правила употребления инфинитива, а во-вторых – и это особенно важно, – облегчить задачу лексикографического представления инфинитива в словаре активного типа, что представляется совершенно необходимым для изучающих русский язык как неродной. Задача исследователя заключается, таким образом, в выяснении языковых и внеязыковых механизмов, обуславливающих возникновение обязательной сочетаемости русского инфинитива. Вряд ли это можно сделать только с позиций традиционной лингвистики. Толчок к размышлениям даёт определение инфинитива, данное А. А. Потебнёй: «Неопределённое наклонение глагола... есть **воля** души, выражаемая голосом, являемая речью» [9, с. 335]. Поскольку инфинитив – это древняя форма, то, на наш взгляд, ответ на вопрос «Почему именно инфинитив?» следует искать в детерминантах поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний.

Анализируя главные биологические отношения, исследователи отмечают, что в однородной среде, с которой началась экспансия жизни, присвоение биологически активных веществ осуществлялось в среде дискретных предметов, что требовало от организма, во-первых, способности распознавать жизненно значимые вещества и, во-вторых, умения к ним приближаться, то есть двигаться. По В. И. Вернадскому, движение как освоение окружающего мира с момента Биологического Большого взрыва включает в себя физическое заселение путём роста и размножения (место в геосфере), необходимость занять определённую позицию среди других живых существ своих и чужих видов (место в биосфере), которая на уровне человека становится местом в социосфере, и, наконец, интеллектуальное освоение мира (место в ноосфере).

Источником активности живых систем, побуждением и целью их поведения в окружающем мире в психологии и психофизиологии считается потребность, которая понимается как избирательная зависимость живых организмов от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития [10; 12]. Взгляд на потребность как на исходный пункт организации поведения разделял также И. М. Сеченов: «Жизненные потребности рождают хотения, и уже эти ведут за собой действия... Без хотения как мотива или импульса движение было бы вообще бессмысленно» [11, с. 146]. Иными словами, потребность выступает как основной механизм связи организма со средой, его обращённости к среде. Потребность лежит в основе внутреннего напряжения, которое составляет основу активности живого организма.

Говоря о феномене потребности как источнике активности живых систем в окружающем мире, отметим, что в психологии и философии выделяются следующие самостоятельные по происхождению потребности: витальные (биологические), социальные и идеальные (духовные, познавательные) [12; 13]. Особое значение для нашего исследования имеют социальные и идеальные потребности. К социальным относится потребность принадлежать к определённой общности, социальной группе и занимать в этой группе определённое место. Здесь мы особо выделим потребность следовать нормам, принятым в данном обществе, без которой существование социальных систем оказалось бы вообще невозможным. Наряду с тремя основными группами потребностей выделяются две дополнительные [13, с. 53–55]: потребность в вооружённости (оснащённости) и потребность преодоления, обычно именуемая волей. Для того, чтобы удовлетворить свои многочисленные потребности, человек должен быть вооружён соответствующим способом и средствами, должен овладеть навыками, которые позднее трансформируются в стремление к мастерству, к развитию способностей, к возможности в конечном счёте контролировать внешнюю среду [Там же]. Хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться, перешедшие в подсознание навыки, глубоко усвоенные субъектом социальные нормы превращаются в своеобразный регулятор поведения и переживаются как «голос совести», «зов сердца», «велеие долга» [Там же].

Возникнув (актуализировавшись), потребность должна быть удовлетворена без промедления: иначе в некоторых ситуациях невозможно выжить. Желание – главный ускоритель наших действий. Оно максимально приближено к природе человека, а она неизменна. Связь желания с волевыми явлениями и тесная функциональная связь его с оценивающими эмоциональными переживаниями признаётся и подчёркивается также и в философии, начиная с И. Канта.

Наиболее же характерной формой детерминации поведения живых систем является «детерминация из будущего» [12; 13] – целеполагание. Организм строит своё поведение так, чтобы добиться определённых целей – удовлетворения тех или иных (прежде всего биологических) потребностей: утоление голода, жажды, избегание опасности и т. д. Известный русский физиолог П. К. Анохин подчёркивает огромное жизненное значение рефлекса цели, который, с его точки зрения, есть «основная форма жизненной энергии каждого из нас... Жизнь перестаёт привязываться к себе, как только исчезает цель» [1, с. 220]. На предмет-цель направлено желание. Желают всегда того, что считают для себя хорошим. Желание толкает человека на совершение естественных действий. Предмет желания может ещё не осознаваться как цель действия, но способ получения объекта, если в нём возникает потребность, начинает интерпретироваться как цель. В этом смысле, возможно, справедливо утверждать, что в ряду естественных действий потребность создаёт цель.

При рассмотрении существительного *цель* естественно обратиться к именам родственных концептов. Из них выделяются *задача*, *мечта*. Оба они имеют черты сходства и отличия с целью. С категорией желания связано чувство *надежды* – «сложное чувство, возникающее у нас при действии любого сильного желания и при предвосхищении успеха» [6, с. 119]. Наконец, с модальностью возможности и желанием и намерением как внутренними установками человека связана модальность *попытки*, обусловленной внутренними возможностями действующего субъекта.

Таким образом, потребность, мотив, цель и её достижение являются организующим началом большого комплекса понятий, относящихся к человеку.

Наконец, анализ организмом окружающей среды невозможен без информации о его собственном функциональном состоянии, о собственной внутренней среде: ведь именно от неё зависит, как организм оценит внешние события. Любое восприятие неизбежно оказывается «заинтересованным», детерминированным. То есть восприятие – это не только действие, но и эмоциональная оценка, определение ценности прежде всего на уровне жизненных функций, то есть на уровне биологических интересов, полезности или вредности. Субъект, как отмечает П. К. Анохин, руководствуется «самым древним и универсальным критерием всего живого – стремлением выжить» (цит. по: [6, с. 102]). «Эмоция в себе самой включает влечение, желание, стремление, направленное к предмету или от него, так же, как влечение, желание, стремление всегда более или менее эмоционально» [6, с. 54]. Так эмоции структурно и функционально вливаются в центральное образование психики – образ среды, становятся неотъемлемым компонентом происходящих в нём ориентировочных процессов, с помощью которых строится план достижения цели. Наиболее сильные чувства связаны, как отмечают психологи, с основными целями человека, служащими главными мотивами его жизнедеятельности.

Таким образом, эмоции в онтогенезе всегда возникают как результат уже имеющихся сведений о воздействиях, благоприятных или неблагоприятных для организма. Побуждение формируется на основе оценки. На родственную природу оценивающих и побуждающих переживаний указывал ещё И. Кант. Отметим, что оценка вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) по своей природе есть информационная категория, что, на наш взгляд, оправдывает привлечение сугубо естественнонаучных трактовок в лингвистические изыскания.

Высказанные соображения приводят нас к мысли о том, что, говоря о причинах, обуславливающих обязательную сочетаемость некоторых глаголов, имён существительных, имён прилагательных, наречий с древней формой инфинитива, необходимо обязательно учитывать связь этих причин с детерминантами поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний. Перечислим ещё раз эти детерминанты: **потребность**, играющая иницирующую роль в поведении человека, в том числе потребность овладения навыками для осуществления цели; **мотивация**, наиболее тесно примыкающая к понятию потребности и организующая целенаправленное поведение; **рефлекс цели**; **эмоции**, имеющие также **оценочную** (аксиологическую) функцию и выражающие значимость явлений для субъекта; **волевая регуляция**, содействующая трансформации потребности во внешне реализуемое поведение, в действие, в **движение**.

Анализируя взаимоотношения инфинитива с личными глаголами, именами и наречиями, мы пришли к выводу, что в семантике опорного слова отчётливо видны значения, имеющие тесную связь с названными выше детерминантами поведения субъекта. Назовём прежде всего общие значения **необходимости**, **возможности**, **невозможности**, **волеизъявления**, **долженствования**, **побуждения**, **намерения**, а

также **разрешения, запрещения, эмоциональной оценки (этической, эстетической, оценки целесообразности)**, – то есть **замышления и оценки ситуации**. Классификации слов с грамматической валентностью инфинитива по данным основаниям представлены в ряде исследований [3; 4; 5]. Н. Д. Арутюнова также выделяет в отдельную группу глаголы с обязательной валентностью инфинитива, называя их интенциональными глаголами и противопоставляя их по семантико-синтаксическим свойствам глаголам конкретного физического действия [2].

Почему именно инфинитив? Мы предполагаем, что это связано с общим инвариантным значением инфинитива. Таковым, как известно, является потенциальность действия. Как отмечает А. В. Бондарко, [4], форма инфинитива в русском языке обладает общим функциональным признаком: она обозначает «идею действия» [7, с. 92], действие, по отношению к которому проявляется интенциональная установка его субъекта или оценка и тем самым объективируется потенциальное действие по отношению к субъекту действия или субъекту оценки. Именно в соответствии с этой функцией инфинитив часто характеризуется различной модальностью – волеустремительной, модальностью возможности / невозможности, модальностью долженствования и другими модальными значениями. Как отмечалось выше, именно эти модальные значения присутствуют в семантике опорного слова, имеющего обязательную грамматическую валентность инфинитива.

Попробуем теперь свести воедино выделенные и описанные употребления формы инфинитива, расположив их при этом так, чтобы наглядно прослеживались их семантические взаимоотношения. Итак, категория инфинитива употребляется в русском языке при словах, обозначающих:

I.	Потребность, обязательность – это источник активности живых систем в окружающем мире: <i>Мне надо / нужно / необходимо это сделать; я должен это сделать.</i>	Слова (глаголы, существительные, прилагательные, наречия и др.), которые выражают все эти значения, требуют после себя обязательной позиции инфинитива (+ <i>inf</i>).
II.	Потребность переходит в желание её удовлетворить: <i>Я хочу это сделать; я собираюсь это сделать.</i>	
III.	Цель придаёт действию смысл: <i>Я планирую это сделать; я могу это сделать.</i>	
IV.	Определив для себя цель, субъект старается её достигнуть : <i>Я отправился это делать.</i> <i>Я начал / продолжаю / закончил это делать.</i> <i>Я научился это делать.</i>	
V.	Наконец субъект даёт эмоциональную оценку тому, что является для него важным, необходимым, нужным: <i>Мне приятно / неприятно / полезно / имеет смысл... это делать.</i>	

Детерминанты поведения индивида в онтогенезе – «**потребность, обязательная необходимость, долженствование**», «**хотение (желание)**», «**цель**», «**достижение цели**», «**эмоциональная оценка**» – составляют пять лексико-семантических полей в выполненной нами лексикографической классификации слов с грамматической валентностью инфинитива («Толковый словарь лексических единиц с грамматической валентностью инфинитива»: содержит около 1100 лексических единиц с толкованием, примерами употребления и английскими эквивалентами). Именно эти поля могут представлять собой вершину иерархии в возможной

лексикографической организации лексического материала. Внутри лексико-семантических полей выделяются подполя (типа «потребность, необходимость», «долг, нормативное поведение», «побуждение, принуждение», «замысел, стремление» и т. п.) и лексико-грамматические группировки слов с учётом категориально-лексической семантики и уточняющего её существенного семантического признака.

Таким образом, весь массив слов с обязательной валентностью инфинитива представлен в виде иерархически упорядоченного множества на основании конечного списка базовых семантических признаков. Выделение таких признаков позволит сформулировать правила, предписывающие употребление инфинитивных конструкций в речи иноговорящих.

Библиографические ссылки

1. **Анохин П. К.** Рефлекс цели как объект физиологического анализа / П. К. Анохин // Философские аспекты теории функциональной системы : Избранные труды. – М. : Наука, 1978. – 400 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
3. **Бойко А. А.** Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в русском языке / А. А. Бойко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 136 с.
4. **Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1976. – 255 с.
5. **Брицын В. М.** Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В. М. Брицын. – К. : Наук. думка, 1990. – 318 с.
6. **Вилюнас В. К.** Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 142 с.
7. **Жаркова Д. В.** Отражение глагольно-именной природы инфинитива в его синтаксических функциях / Д. В. Жаркова // Русский язык в школе. – 1982. – № 4. – С. 88–92.
8. **Золотова Г. А.** Синтаксический словарь : репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
9. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958–1977. – Т. 1–2. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
10. **Пригожин И.** От существующего к возникающему : Время и сложность в физических науках : [пер. с англ. / под ред. Ю. Л. Климонтовича] / И. Пригожин. – М. : Наука, 1985. – 327 с.
11. **Сеченов И. М.** Избранные произведения / И. М. Сеченов. – М. : Учпедгиз, 1953. – 415 с.
12. **Симонов П. В.** Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1981. – 215 с.
13. **Симонов П. В.** Мотивированный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1987. – 375 с.
14. **Шелякин М. А.** Русский инфинитив (морфология и функции) / М. А. Шелякин. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 160 с.

Надійшла до редколегії 10.01.09